

НОВЫЙ ПАМЯТНИК РУССКОГО ЭПОСА В ЗАПИСИ XVI ВЕКА

Б. М. КЛОСС

Как известно, проблема изучения древнерусского эпоса сталкивается с огромными трудностями из-за отсутствия записей фольклора старше XVII в. Поэтому любые отражения его в памятниках древней письменности приобретают исключительную ценность. В связи с этим очень большой интерес представляет обнаруженное в списке 60-х годов XVI в. Сказание о богатыре Александре Поповиче, входящее в состав краткого новгородского летописца. Привлекшая наше внимание рукопись (ГБЛ, Троиц. собр., № 805) — сборник разнообразного содержания, сравнительно мало известный и поэтому Сказание, оказавшееся внутри летописного текста, прошло мимо внимания исследователей.

Содержание Сказания (см. приложение) вкратце таково. В Галиче сидит великий князь Мстислав, который правит всей Русской землей. Под его рукой 32 князя. В Киеве властвует другой, не менее могущественный Мстислав, победивший Половцев, Жемоть, Печенегов и иные «многи земли» и даже у великого князя Галицкого отнявший землю «по реку Почайну». Мстислав Галицкий собирает всю Русскую землю для отпора врагу и идет к реке Почайне. В этот тревожный момент к нему приезжает богатырь Александр Попович со своим слугой Торопцем. Далее следует ряд эпизодов воинского характера: происходит поединок Александра Поповича с Волчьим Хвостом — воеводой киевского князя, затем Александр один, по-былинному, бьется с многочисленными полками и повергает наземь самого киевского князя. Тот молит о пощаде, и Александр великодушно отпускает его. Рассказ заключается

фразой, весьма важной для понимания памятника: «Се бысть первая война Олександра Поповича».

Перед нами, очевидно, литературная композиция, в значительной мере основанная на мотивах устного народного творчества. Действительно, в сюжетном отношении ясно проявляется связь Сказания с былинами, в которых богатырь-спаситель появляется в самый критический момент борьбы и разбивает бесчисленные полки врагов. Эта зависимость от эпоса подчеркивается еще и тем, что главным действующим лицом произведения является Александр Попович — один из популярнейших героев русских былин. Имя его слуги — Торопец — является производным от имени былинного слуги Алеши Поповича Торопа. Тороп, несомненно, фигурировал в былинах старшей поры — он упоминается, например, в записи XVII в. былины «Алеша Попович и Тугарин»¹ и в фольклорных реминисценциях летописей XV—XVI вв., повествующих об Александре Поповиче (сокращенные своды конца XV в., Хронограф 1512 г., Никоновская летопись и Тверской сборник); в записях былин XIX—XX вв. это имя почти не встречается.

Весьма примечательно упоминание двух воевод киевского князя — Дрозда и Волчьего Хвоста. Имя последнего восходит к Повести временных лет², что же касается имени Дрозда, то оно, без сомнения, фольклорного происхождения. Эпизоды, построенные с участием этих героев, насыщены элементами былинно-сказочного характера, содержат образные и меткие выражения. Киевский князь обращается к Дрозду с предложением: «еди, испытаи, есть ли князь великий на реки Почаинъ». Это напоминает популярный былинный сюжет, когда эпический князь Владимир обращается к своим богатырям с каким-нибудь опасным поручением. Обычно призыв Владимира не сразу встречает отклик: «А и тут больший за меньшего хоронится, от меньшего ему, князю, ответу нету». Тогда один из богатырей — герой былины — берется выполнить поручение князя. В Сказании подобный эпизод также имеет место, но его трактовка своеобразна: Дрозд мотивирует свой отказ тем, что «яз Дроздь потка, а тамо есть Соловей», т. е. дрозду-птице нечего равняться с соловьем. Выполнить поручение киевского князя берется другой его воевода — Волчий Хвост. Он приезжает на берег Почайны, чтобы не только узнать, здесь ли князь Мстислав Галицкий, но и вызвать богатыря Мстислава — Александра Поповича на поединок, — тема, также характерна для эпоса (ср. напр., «Алеша и Тугарин» и др.). Интересно, что киевский воевода вызывает Александра Поповича не по имени, а кличет «черлен щит», т. е. определяет богатыря по обязательной принадлежности его боевого снаряжения. Сам «черлен щит», быть может, присущ определенной традиции древнерусской литературы («Задонщина», ср. со «Словом о полку Игореве»), но вот «написанный» на щите «лют змей» является распространенным образом русских былин и песен³. Поединок Александра Поповича с Волчьим Хвостом заканчивается тем, что Александр «выразил» воеводу из седла; побежденный умоляет «дать ему живот». Подобный сюжет широко известен как в былевом эпосе («Алеша и Тугарин» и др.) и волшебных сказках (см. в сборнике А. Н. Афанасьева сказки о Еруслане, о Иване-царевиче и Белом Полянине и др.), так и в литературе («Александрия», «Девгениево деяние»). Часто в этом случае противники заключают «заповедь великую» (ср. «Добрыня и Змей», «Бой Добрыни и Алеши с татаринном»⁴).

¹ «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков», М.—Л., 1960, текст № 27.

² См. под 984 г.; важно отметить, что это известие восходит к народному преданию.

³ См. «Былины» (в 2-х томах), М., 1958, т. I, стр. 8, 40, 44, 461. «Русское народное поэтическое творчество (Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков)», М.—Л., 1953, стр. 323.

⁴ А. М а р к о в. Беломорские былины, М., 1901, стр. 328.

В Сказании же Александр предлагает воеводе в подтверждение клятвы трижды погрузиться в реку Почайну. Предание называет Почайну местом крещения киевлян, возможно, что в данном случае отразилось это предание.

Почайна выступает в Сказании как порубежная река. Она разделяет две враждующие стороны, являясь своеобразной границей Русской земли. Подобную роль играет Почайна в былинном эпосе так, в одном из вариантов былины «Князь Роман и Марья Юрьевна» река Почайна является рубежом, лишь перейдя который бежавшая из чужеземного плена Мария Юрьевна оказывается на Руси и может не опасаться пого-ни⁵. Создатели ряда былин вообще помещают Почайну где-то очень далеко, на самом «краю» Русской земли:

Не съезжай-ка ты, молоденький Добрынюшка,
Да ты далече-далече во чсто поле...
Не съезжай-ка ты, молоденький Добрынюшка,
Ко той славной ко матушке к Пучай-реке⁶.

Можно провести определенную параллель между эпизодом, повествующим о сборе русских воинов на Почайне, и аналогичной ситуацией в былине «Изгнание Батыги», когда Илья Муромец отправляется на Почай-реку:

Я поеду, добрый молодец, на Почай-реку.
Я поеду созывать сильных богатырей⁷.

И вообще, берег реки является общеэпическим местом, где русские богатыри сталкиваются с иноземными врагами. Так, Добрыня сражается со Змеем на берегу Пучай-реки («Добрыня и Змей»), Алеша Попович бьется с Тугарином на берегу Сафат-реки или той же Пучай-реки («Алеша и Тугарин») ⁸.

Не совсем ясно происхождение числа 32 (упоминание о том, что Мстиславу Галицкому подвластны «князей 32»). Но уместно, однако, провести аналогию со «Сказанием о киевских богатырях» — литературной композицией конца XVI — начала XVII в., сложенной на основе ряда былин, где на вопрос царя Константина: «Сколько богатырей у великого князя Владимира?» — Илья Муромец отвечает: «В Киеве, государь, 32 богатыря» ⁹.

Таким образом, проведенные сопоставления вскрывают несомненно фольклорную основу Сказания об Александре Поповиче.

Вместе с тем некоторые обороты и выражения говорят о возможном влиянии на памятник письменных источников. Например, в былинном эпосе богатырь, повергнув противника на землю, обычно садится ему на «белы груди». В Сказании же Александр Попович «ступи ему на горло и обрати оружие свое». В сербской «Александрии» (по списку конца XV в.) герой высказывается в точно таком же духе: «Царю Филиппе, врагу своему стани на горло ногою и отмщение сътвори рукою своею» ¹⁰. Или другой пример. В былинах богатырь кричит обычно «зычным голо-сом». В тексте же Сказания он «воскликне ратным гласом». И это выражение имеет аналогии в памятниках письменной литературы. (Сравним, например, близкие обороты типа «возкричаша яко труба, рати глас подавающе» из «Повести о разорении Рязани Батыем» (по списку

⁵ «Былины», т. 2, стр. 115—116.

⁶ «Былины», т. 1, стр. 36.

⁷ Там же, стр. 171.

⁸ См. комментарий: В. Я. Пропп. Русский героический эпос, М., 1958, стр. 214.

⁹ «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков», тексты № 31—35.

¹⁰ «Александрия» (Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века), М.—Л., 1965, стр. 14—15.

XVI в.)¹¹ или «вѣструбити бранный глас» из «Александрии» по списку XV—XVI вв.¹²). В Сказании встречается также выражение: «и множество паде от руку его». Былины при описании битвы богатыря с вражеским войском пользуются другой терминологией, а, например, в «Житии Александра Невского» читаем: «и паде неколико от руку его»¹³ или близкое в «Девгениевом деянии»; «умре в руку его»¹⁴.

Формула Сказания — «Великий князь и вся Русская земля» — была широко распространена в летописании этого времени: она встречается, например, в рассказах о побоище на Воже и о Куликовской битве, в Повести о нашествии Тахтамыша на Москву¹⁵. Далее, начальная фраза Сказания: «Князь Мстислав сяде во граде Галичи, ... а на Киев князь Мстислав», очень напоминает соответствующий текст статьи о Калкском сражении: «Тогда бо бе Мьстислав в Киеви, ... а Мьстислав в Галиче»¹⁶. Интересно, что Софийская I летопись под 1216 г. называет Мстислава Удалого, как и автор Сказания, «великим князем»¹⁷. Следует, наконец, обратить внимание на состав войска киевского князя: «Половци, Жомоть, Ляхи, Печенизи». Такое сочетание было характерно для памятников Куликовского цикла. Например, «Жемоть и Ляхи» упоминаются в составе войск в летописной Повести о Куликовской битве (сокращенные своды конца XV в., Хронограф 1512 г.)¹⁸, «Жемоть» встречается также в Сказании о Мамаевом побоище¹⁹. «Погаными половцами» называют авторы этого времени в летописи и литературе и самих татар²⁰ (ср. также «поле Половецкое» в Задонщине). В том же Сказании о Мамаевом побоище фигурирует и «Печенег», с которым в смертельном поединке бился Пересвет²¹.

Это влияние письменной литературы, видимо, объясняется тем, что Сказание было включено в летопись и, таким образом, подверглось воздействию определенной литературной традиции.

Анализ той летописной среды, в которую помещен памятник, позволяет установить примерное время включения его в свод. Текст краткого новгородского летописца, содержащего Сказание об Александре Поповиче, помещен в рукописи на лл. 380—413 об. Изложение событий доведено до 1518 г., а далее тем же почерком написано «Сказание о градех от Великаго Новаграда до Рима» (лл. 414—416). На л. 416 об. помещена краткая запись о море в Новгороде, помеченная 1567 г. Текст летописца оканчивается на л. 413 об., но на оставшемся свободном месте сделана приписка (тем же почерком, каким написаны лл. 250—251 об. сборника), помеченная 1553 г., о море и пожаре в Новгороде.

А. Н. Насонов по поводу происхождения летописца в свое время писал, что летописец «составлен, по-видимому, в Новгороде, причем в основу его положены краткие извлечения из новгородско-софийского свода, как обнаруживается при сравнении этого летописца с летописью Авраамки, с Рогожским летописцем и списком Н. К. Никольского Нов-

¹¹ «Воинские повести древней Руси», М.—Л., 1949, стр. 15.

¹² П. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков, М., 1955, стр. 119.

¹³ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века («Слово о погибели Русской земли»), М.—Л., 1965, стр. 167.

¹⁴ В. Д. Кузьмина. «Девгениево деяние», М., 1962, стр. 144.

¹⁵ ПСРЛ, т. 4, вып. 1, Пгр., 1915, стр. 308, 311; вып. 2, Л., 1925, стр. 327; т. 6, СПб., 1853, стр. 90—98.

¹⁶ ПСРЛ, т. 5, вып. 1, Л., 1925, стр. 203.

¹⁷ Там же, стр. 193.

¹⁸ ПСРЛ, т. 27, М.—Л., 1962, стр. 252, 331; т. 22, ч. 1, СПб., 1911, стр. 414; в новгородско-софийских сводах под 1372, 1399 гг.

¹⁹ «Повести о Куликовской битве», М., 1959, стр. 58.

²⁰ Там же, стр. 43, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 62, 67 и др.; ср. также: ПСРЛ, т. 4, вып. 1, стр. 310, 311, 319.

²¹ «Повести о Куликовской битве», стр. 68, 69, 74.

городской 4-й летописи»²². И далее: «Наш летописец имеет общий источник с летописью Авраамки, с Рогожским летописцем и со списком краткой Новгородской летописи Н. К. Никольского. Однако он не восходит ни к одному из этих летописцев, а к их общему протографу»²³.

Произведенный анализ состава летописца подтверждает вывод А. Н. Насонова и позволяет его несколько уточнить. В основе летописца, действительно, лежит сокращенная новгородская летопись, доведенная до начала 60-х годов XV в. и восходящая к летописной редакции, отражение которой, как указал А. Н. Насонов, имеется в летописи Авраамки, Рогожском летописце и летописи Н. К. Никольского. Сюда необходимо добавить еще летописец епископа Павла, который, кстати также доведен до начала 60-х годов XV в. и с которым Троиц. 805 имеет общие чтения. Другим источником Троицкой компиляции был Голицынский список Новгородской 4-й летописи²⁴. Последний переписан, начиная со статьи 1464 г., почти дословно и даже с припиской 1518 г.²⁵ Возможно, что заимствования из Голицынского списка были сделаны и в предыдущих статьях.

Итак, Сказание об Александре Поповиче оказалось в составе летописной компиляции новгородского происхождения. Ее составные части Сказания не содержали. Учитывая, что один из источников доводил изложение до 1518 г., а сам Троицкий список датируется 60-ми годами XVI в., включение Сказания в летопись можно датировать в этих хронологических пределах.

Оказывается, включение Сказания в состав краткого новгородского летописца не было случайностью. Составитель вообще был хорошо знаком с эпосом и часто дополнял летописный текст данными фольклора. Так, в статье 6561 г. (л. 386) строитель церкви Бориса и Глеба — Сотко Сытинич — переименован в «Сотко богатой», что, видимо, было вызвано отождествлением сводчиком летописного Сотко Сытинича с былинным «Садко богатым гостем»²⁶. В статье 1238 г. летописец поместил целую легенду о спасении Новгорода от татарского нашествия (л. 391): «Прогна их святыи Кирил. Явися царю со Афанасием во образъ конюши и рече: возвратися, да вас не победим. А оу них желъзен крюк. И рече царь: а вы хто есте? Они ркоша: постыреви есмя новгородских конюхов. И рече: что ли вас 2? И они оубиша от полку царева пол 8 тмы. И царь отбиже».

Легенда о чудесном избавлении Новгорода от татаро-монгол имела хождение в различных вариантах. Составитель Хронографа 1512 г., например, следующим образом объяснял причину возвращения Батыя: «Глаголют же, яко виде Михаила арханила, стояща со оружием и возбраняюща ему»²⁷.

Проникновение в летопись эпических сказаний, связанных с именем богатыря Александра Поповича, замечается с XV в.²⁸ Исследователи отмечали наличие богатого фольклорного материала, отразившего события первой четверти XIII в. (Липицкая и Калкская битвы и др.).

²² А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). «Проблемы источниковедения», т. 4, М., 1955, стр. 254—255.

²³ Там же, стр. 255.

²⁴ Опубликовано в ПСРЛ (т. 4, 2-е изд., вып. 2).

²⁵ Голицынский список использован еще до того, как в нем был утерян лист с изложением событий 7022, 7023 и 7024 гг.

²⁶ На это обратил внимание С. Н. Азбелев. См. «Новгородские былины и летопись». Сб. «Русский фольклор (Материалы и исследования)», вып. 7, М.—Л., 1962, стр. 51.

²⁷ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 399. Напомним, что уже в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи старшего извода под тем же годом отмечалось, что Новгород «заступи... святыи Кирил». Между прочим, Комиссионный список младшего извода здесь добавляет: «и Афанасей».

²⁸ Генезис этого процесса исследован Д. С. Лихачевым. (Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. ТОДРЛ, т. 7, М.—Л., 1949, стр. 17—51).

Заслуживает внимания мысль Д. С. Лихачева, что в Новгородско-софийском своде рассказ о Липицкой битве оказывается сильно расширенным, по сравнению с более ранними летописями, именно за счет фольклора²⁹. Не может быть сомнения, что дальнейшие добавления и изменения в описании событий этого периода, связанные с именем Александра Поповича, которые имеются в Никоновской летописи и своде 1534 г. (отразившегося в Тверском сборнике), также фольклорного происхождения³⁰. Поэтому сопоставление Сказания об Александре Поповиче по Троицкому списку с указанными летописями позволяет вскрыть пласт эпических сказаний, бытовавших в XV—XVI вв. и отразивших события первой четверти XIII в. В таком случае заключительная фраза Сказания: «Се бысть первая война Олександра Поповича» — может свидетельствовать о существовании цикла сказаний о событиях того времени, связанных с именем Александра Поповича.

Переходим к археографическому описанию памятника. Рукопись ГБЛ, ф. 304, № 805, в 4°, на 545 лл. (536+9)³¹. Текст писан скорописью нескольких рук XVI в. Состав сборника описан³². Сказание об Александре Поповиче помещено на лл. 388—389. Как показывают наблюдения над содержанием сборника, сортами бумаги, почерками писцов и нумерацией тетрадей, — рукопись можно разделить на две составные части: первая часть занимает лл. 1—231 и писана на бумаге 50—60-х годов XVI в. Филигрانی второй части рукописи (лл. 232—536), где помещен памятник, следующие: 1) Рука с фестонами под короной (лл. 232—251, 431—463) имеется у Брикe, № 11027 (1560—62 гг.); 2) Сфера (лл. 252—379, 417—430, 464—536), см. у Брикe № 13999 (1553 г.), у Лихачева № 3173 (1560 г.); 3) Ваза с листьями (лл. 380—416), см. у Брикe № 12900 (1554—56 гг.), № 12904 (1556 г.). Таким образом, водяные знаки рукописи датируются 50—60-ми годами XVI в. Выше было указано, что в рукописи имеются приписки и заметки, отразившие события также 50—60-х годов XVI в. Совокупные показания филиграней и приписок к основному тексту дают возможность датировать список концом 60-х годов XVI в.

Ниже публикуется текст Сказания³³.

л. 388

В лѣто 6717. Князь Мстислав сяде во граде Галичи въ Полях, а под ним князеи 32 и вся Руская земля. А на Киеви князь Мъстислав, а воеводы оу него Дроздь да Волчи Хвостъ, и одоли Половец и Жомоть и Печениги, многи земли. Так и оу великого князя от[ъ]я землю по реку Почаину, отчину его. И князь великий Мстислав и вся земля Руская стаха на реки Почаине, и ту прииха к нему Олександръ Попович с Торопцем^а. И то слышав киевский князь, собра силу тяшку, Половец, Жомоть, Ляхи, Печенизи, и стаха в Полях. И рече Дрозду: еди, испытаи, есть ли князь великий на ре[ки]

л. 388 об.

Почаинѣ. И он рече: не иду, яз Дроздь потка, а тамо есть Соловеи. И рече Волчи Хвостъ: и яз ихав испытаю. И пригна к рѣцѣ Почаинѣ, воскликне ратным гласом: черлен щит, ѣду сим. И то слыша Олександръ, посла к нему с черленным щитом Торопца^а, на нем же написан лют змѣи. И пригна к нему, рече: челоуѣче, что хошеши оу щита сего? И он рече: яз хошу того, хто за ним издѣт. И Торопец пригна ко Александру, рече: тоби, господине, зовет. И Олександръ похвата щит, бысть за рекою и рече ему: от[ъ]еди. И тако

²⁹ Там же, стр. 45.

³⁰ Там же, стр. 44—46.

³¹ Но на самом деле номера 431, 514, 519, 524 употреблены по два раза.

³² Иером Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, М., 1878, стр. 251—255.

³³ Текст публикуется по правилам издания документов XVI—XVII вв.

^а Буква «ц» переделана из буквы «ч» тем же почерком и теми же чернилами.